

## УКАЗ 18 ФЕВРАЛЯ 1905 г. О ПЕТИЦИЯХ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Принятый 18 февраля 1905 г. царский указ предоставлял подданным Российской империи право ходатайств о государственных нуждах, просуществовавшее до 6 августа того же года, когда оно было отменено одновременно с принятием положения о Булыгинской думе. Поступившие в соответствии с указом петиции до сих пор не были предметом специального исследования. Лишь в трудах по истории Прибалтики находим оценки петиционной кампании, имевшей в прибалтийских губерниях широкий размах в крестьянской среде.<sup>1</sup>

Между тем важность изучения петиций для развития советской историографии 1905 г. определяется как тем обстоятельством, что в петиционной кампании отразился наряду со степенью распространенности оппозиционно-либеральных лозунгов процесс polevения широких непролетарских слоев населения, тесно связанный, разумеется, с ростом революционной борьбы пролетариата, так и значением корпуса петиций в государственно-преобразовательной деятельности. Он оказался едва ли не единственным пособием, по которому бюрократические реформаторы знакомились с политическими и социально-экономическими воззрениями различных слоев населения, по-разному толкуя эти воззрения в зависимости от собственных взглядов и целей. Кстати, еще Н. С. Таганцев, деятельный участник государственных преобразований 1905—1906 гг., обратил внимание на необходимость специального изучения корпуса петиций. Сделав интересные наблюдения по поводу передачи их текста в зависимости от социальной принадлежности авторов в составленном для сведения сановников своде петиций, он заявил о необходимости обращения к подлинникам, которыми тогда не располагал.<sup>2</sup> Однако статистическому и текстологическому исследованию этого материала должен предшествовать очерк правительственных мер, которыми был встречен поток петиций, поскольку меры эти призваны были непосредственным образом повлиять на самый процесс составления петиций, характер их текстов и дальнейшую их судьбу. Такой очерк и составляет предмет настоящей статьи.

К 1905 г. права петиций по российскому законодательству в сущности не существовало. В 1831 г. дворянство получило право возбуждать перед царем ходатайства о сословных и общегосударственных нуждах. Однако выступление московского дворянства в 1865 г. вызвало рескрипт Александра II, запрещающий и дворянству обсуждение вопросов, прямому его ведению не подлежащих и касающихся изменения «существенных начал» государственных учреждений. В 1888 г. Александр III разрешил дво-

рянству «с соблюдением всех приличий» ходатайствовать о прекращении злоупотреблений или неудобств в местном управлении, «хотя бы они происходили и от общего какого-либо постановления». Однако запрещение касаться существенных начал государственных учреждений осталось в силе и было подтверждено в 1899 г.<sup>3</sup> Земские, городские и другие общественные учреждения также не получили права ходатайств по вопросам общегосударственного значения. Всеподданнейшие прошения частных лиц допускались лишь, если они носили характер жалоб на судебные решения, действия властей, просьб о не предусмотренных законом милостях или о помиловании. Уложение о наказаниях предусматривало кары за участие в составлении документов в нарушение этих правил, причем наказание усиливалось, если просьба предназначалась к подаче самому царю, да еще была «не дельной, но основанной на ложных, противных существующим установлениям и порядку разглашениях».<sup>4</sup>

Однако по мере нарастания революционных событий в начале 900-х гг. положение менялось и право петиций приобрело все признаки фактического права. Все участвовавшие обращения к верховной власти или облеченные в другие формы решения, содержавшие политические требования к самодержавию и исходившие от различных земских, городских, дворянских и прочих организаций, сначала вызывали репрессивные меры властей, обычно проводившиеся, впрочем, в административном порядке, но затем политическая обстановка в стране сделала осуществление этих мер затруднительным, как это было по отношению к ноябрьскому земскому съезду 1904 г. и пресловутой банкетной кампании.

9 января и последовавшие за ним события сделали совершенно неизбежной легализацию петиций точно так же, как они выявили необходимость созыва выборного представительства, который составлял важнейший лозунг либеральной оппозиции, и организацию объединенного правительства (объединения министров не существовало, всеподданнейший доклад был формой царского руководства каждым из министров порознь). Если в правительственном сообщении, сопровождавшем указ 12 декабря 1904 г. с его обещаниями реформ, «обсуждение вопросов общегосударственного свойства» запрещалось, то указ 18 февраля 1905 г., один из трех актов, принятых в этот день, разрешал частным лицам и учреждениям представлять предложения, касающиеся «усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния»,<sup>5</sup> возлагая рассмотрение их на Совет министров. Указ этот не только породил поток заявлений, сообщений и ходатайств, но и вместе с появившимся тогда же рескриптом министру внутренних дел А. Г. Булыгину, провозглашавшим намерение созвать представительство с законосовещательными функциями, создал такую политическую обстановку, в которой петиционный поток вызвал у представителей властей известную растерянность и даже испуг.

Но еще до того как петиции стали поступать в Петербург, на следующий день после указа, начались попытки использовать возложенные на Совет министров новые функции для срыва общей реформы, преследовавшей цель создания объединенного правительства. Реформу эту с большой осторожностью, чтобы не «спугнуть» царя, разрабатывал председатель Комитета министров С. Ю. Витте. Получив буквально исторгнутое у Николая министром земледелия и государственных имуществ А. С. Ермоловым после 9 января поручение временно объединить деятельность министров, Витте начал разработку вопроса о постоянном объединении их деятельности. Хотя вопрос о председательствовании в будущем правительстве (Комитет или Совет министров станут базой для его создания, было еще неясно) только возник, сразу же появились подозрения по поводу того, что Витте метит в премьеры. И ставший после 9 января правой рукой царя петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов, который, по мнению советского исследователя Е. Д. Черменского, стоял за указом 18 февраля,<sup>6</sup> решил действовать немедленно. 19 февраля он представил всеподданнейший доклад с проектом правил, которые предлагал вследствие указа 18 февраля принять «в дополнение и изменение» статута Совета министров. «Правила эти весьма краткие и ограничиваются только постановлениями, необходимыми для осуществления Советом возложенных на него указом 18-го сего февраля новых обязанностей», — с показной умеренностью начинал Трепов.<sup>7</sup> Но тут же он с открытым забралом атаковал готовившуюся виттевскую реформу. «Насколько мне известно, — продолжал Трепов, — Комитетом министров вырабатываются детальные правила, определяющие деятельность Совета. Казалось бы, что слишком подробная регламентация едва ли желательна для высшего государственного установления, каким является Совет министров, и может лишь стеснить его деятельность». Под видом заботы о полномочиях Совета министров Трепов хотел предотвратить установление их законом и сохранить полную свободу действий за царем, который попросту десятилетиями не собирал его.

«Затем, — указывалось в треповском докладе, — ввиду расширения деятельности Совета необходимо было бы ныне же усилить состав его назначением новых членов». Разбавление состава Совета министров новыми членами Трепов рассматривал как средство подрыва его влияния. Еще 14-го им был подготовлен такой проект реформирования состава Совета министров, который лишал всякого смысла рассматривавшиеся под председательством Витте варианты расширения его компетенции. На листке, названном во внутренней, ведомственного происхождения описи включенных в дело документов «Именной список Совета министров» и озаглавленном «Совет министров», было два пункта — а) и б).<sup>8</sup> В первом из них был указан в качестве вице-председателя И. Я. Голубев, член Государственного совета и сенатор, большой знаток за-

конов и рутинно-служебной стороны деятельности. Второй пункт состоял из списка шестнадцати своего рода министров без портфеля и указанного под первым номером в качестве управляющего делами Совета министров товарища государственного секретаря П. А. Харитонов (до того в Совете министров не было ни управляющего делами, ни канцелярии, проекты его реформирования готовил по поручению Витте управляющий делами Комитета министров Э. Ю. Нольде, и Трепов на случай, если реформа завершится упразднением Комитета министров с передачей его функций Совету министров, рекомендовал сделать Нольде управляющим делами Совета министров, а канцелярию Комитета — канцелярией Совета).

Список состоял из отставных петербургских сановников, нескольких представителей дворянской общественности и двух московских профессоров. Все они были подобраны по принципу наибольшей консервативности. Среди сановников следует назвать П. П. Дурново, московского губернатора в 1870-х гг., Ф. Г. Тернера, товарища министра финансов в 1888—1892 гг., а также незадолго до того ушедшего с поста товарища министра внутренних дел А. С. Стишинского и графа А. А. Голенищева-Кутузова, заявивших себя, как и представитель московского дворянства Ф. Д. Самарин, в сущности противниками всяких преобразований. От профессоров — известного химика Н. Н. Любавина из Московского университета и философа-богослова А. И. Введенского из Московской духовной академии — также ожидалось сопротивление реформам. Введенский был еще постоянным сотрудником (литературным критиком) «Московских ведомостей» и соратником их редактора, предводителя московских черносотенцев В. А. Грингмута. Что касается Любавина, то революционные связи, которые были у него в свое время, рассматривались, по-видимому, как дело прошлого.

Состав пополнения Совета министров был, как видим, подобран с расчетом на срыв виттевской реформы, тем более что Витте в своих предложениях придавал главное значение «единомыслию» министров.<sup>9</sup> Последовательно проводя свою линию, Трепов еще до конца февраля представил царю проект указа Сенату, который, будь он принят, совершенно сорвал бы реформу Совета министров. Проект указа предусматривал возложение доклада о петициях в Совете министров на его членов из «особо» назначенного царем пополнения, а также учреждение должности управляющего делами и канцелярии.<sup>10</sup> Комментируя предложенный проект во всеподданнейшем докладе, Трепов указывал, что вопрос о председательствовании в Совете министров в отсутствие царя не упомянут в проекте указа, «так как подобное упоминание могло бы значительно ослабить значение указа 18 февраля», которым обещано доводить пожелания петиционеров до сведения царя. Получалось так, что Трепов не хотел умалять данной указом царской милости, но на самом деле он больше заботился о сохранении полной подчиненности Совета министров царской власти. «В таком упоминании, —

добавлял он, — не представляется надобности еще и потому, что от вашего императорского величества всегда зависит указать, хотя бы словесно, кто именно должен председательствовать в тех случаях, когда вашему императорскому величеству не благоугодно будет принять на себя эту обязанность».<sup>11</sup>

Одновременно Трепов представил и проект правительственного сообщения, с помощью которого предлагал «разъяснить» значение указа 18 февраля. В проекте была сделана попытка в буквальном смысле слова одним взмахом пера внести важнейшее изменение в порядок составления петиций на местах по сравнению с предусмотренным указом. Из фразы, повторявшей слова указа о представлении права петиций частным лицам и учреждениям, слово «учреждениям» было вычеркнуто.<sup>12</sup>

Как бы то ни было, треповские проекты остались непринятыми, хотя и виттевское совещание по поводу объединения правительства действовало лишь до 16 апреля, когда царь закрыл его.<sup>13</sup>

Между тем поток ходатайств усиливался и увеличивалось число попыток противодействия местных властей их составлению и обсуждению. Так, столичная полиция запретила назначенное на 6 марта собрание петербургских литераторов, созванное со ссылкой на указ 18 февраля для обсуждения нужд русской печати. Градоначальник, словно в соответствии с правкой проекта правительственного сообщения, заявил председателю Литературного фонда П. И. Вейнбергу, инициаторам собрания Ф. Д. Батюшкову, Д. В. Философову и графу П. М. Толстому, что указ разрешает подавать заявления «в одиночку», но не создает права собраний и коллективного обсуждения. Когда же писатели заявили, что в одиночку они не могут возбудить ходатайства о возобновлении деятельности союза писателей, градоначальник ответил, что он разрешит собрание учредителей союза числом не более 30 человек с тем, чтобы речь шла исключительно о союзе. Собрание не состоялось, но сообщение об этом инциденте немедленно попало в печать и заключалось фразой о том, что союз «будет все-таки возобновлен фактически».<sup>14</sup> Осуществлять запретительные меры было трудно и опасно.

Булыгин составил 11 марта всеподданнейший доклад о затруднениях, вызываемых указом 18 февраля. По сведениям его ведомства, городские думы, земские собрания, разные частные общества и кружки из частных лиц устраивали обсуждение ходатайств. С одной стороны, он заявлял, что такие обсуждения уставами этих организаций не предусмотрены, но, с другой, запретить их не хотел, поскольку это было бы «объяснено обществом как произвольное ограничение монаршей милости министром внутренних дел». Царь написал — «справедливо»,<sup>15</sup> и 21 марта под председательством Д. М. Сольского, которому с конца января, чтобы несколько уравновесить влияние Витте, дано было царское поручение собирать Совет министров, состоялось его заседание «по делу о применении указа 18 февраля 1905 г.».

Сановники двинулись в атаку на царский указ с самодержавно-охранительных позиций как бы в отместку за то, что принятие его 18 февраля явилось для них сюрпризом. Булыгин в гораздо более резких выражениях, чем в докладе, заявил, что местные власти по-разному толкуют указ, особенно вопрос «о пределах и степени допустимости» собраний для обсуждения петиций, пугал «преступной пропагандой» «врагов существующего порядка», которые де будут вводить в содержание петиций и в их обсуждение «элемент противоправительственный». «Прискорбные явления, замечаемые уже ныне, угрожают при дальнейшем развитии значительной опасностью», — указывал он.<sup>16</sup> Витте отмечал, что указ 18 февраля «в нормальном положении... не представлял бы опасности, а теперь может служить орудием борьбы, т. е. ставить всякую власть в затруднительное положение». «Ведь даже возбужденный вопрос вызывает умственную смуту», — пояснял он.<sup>17</sup> Министр финансов В. Н. Коковцов недвусмысленно дал понять, что с указом вышла промашка. Едва ли предполагалось, заявил он, «предоставить столь важное в политическом отношении право частным обществам» вроде «охотничьих, пожарных, собраний фельдшеров, приказчиков и т. д.»<sup>18</sup> Он опасался произнесения речей «зажигательного и возмутительного свойства» под легальным предлогом. «При этом трудно будет проводить ясную грань между дозволенным и недозволенным, с другой же стороны, едва ли легко будет констатировать в деятельности обществ и частных лиц признаки деяния наказуемого», — предостерегал Коковцов, и «правительственные органы, вообще не обнаружившие за последнее время особой силы и энергии в борьбе с организаторами смут и беспорядков», лишатся юридической базы для карательных действий. Во избежание усиления «умственного брожения» он стоял за издание нового указа, дополняющего и «разъясняющего» изданный 18 февраля таким образом, чтобы оставить за частными обществами право обсуждения лишь тех вопросов, которые были предусмотрены их уставами.<sup>19</sup>

Однако Совет министров не пошел на это, не желая допускать умаления царской милости и «тягостного впечатления на население, которое поставлено будет в недоумение насчет причин таких стеснений». При этом учитывалось также, что «противоправительственная агитация приняла широкие размеры еще ранее указа 18 февраля», а сам указ толковался как не дающий права коллективных обсуждений, созыва для этого съездов, сходов и т. п.<sup>20</sup> Продолжая в сущности линию царя, считавшего, что из трех актов 18 февраля основной — манифест об усилении карательных мер, Совет министров в этих мерах и усмотрел главный выход из положения. Решено было предложить министру внутренних дел и управляющему Министерством юстиции «в руководстве текущею деятельностью местных, административных и судебных чинов иметь постоянно в виду, что должны быть предупреждаемы, пресекаемы и преследуемы все преступные проявления общественной

жизни, которые имеют характер противоправительственной агитации, хотя бы они покрывались мнимым радением об общем благе». Разумеется, понятие политического преступления таким образом расширилось почти беспредельно, а в целях создания юридической базы для новых арестов и судов Совет министров предлагал безотлагательно ликвидировать «пробелы» в карательном законодательстве.<sup>21</sup> Таким образом, законодательная деятельность в сфере государственных преобразований должна была сопровождаться новыми юридическими мерами для усиления карательной политики.

«Согласен. Требую самой энергичной и единодушной деятельности местных административных и судебных чинов», — написал царь 1 апреля на мемории, подчеркнув слова «самой энергичной и единодушной деятельности».<sup>22</sup>

Но сколько ни рассуждали министры о пользе строгости, новых карательных возможностей ни в практическом, ни в юридическом смысле создать им не удалось. Это проявилось еще до утверждения мемории в частном на первый взгляд, но весьма выразительном предложении Булыгина исключить из фразы мемории о «наказуемых посягательствах на существующий государственный строй» со стороны обществ и других общественных учреждений слово «наказуемых». «Рассуждения, например, в земских собраниях, думах, обществах и т. п. о введении конституции не могут иметь последствий судебного преследования, а, с другой стороны, подобные рассуждения едва ли допустимы», — писал он Нольде 28 марта в обоснование своего предложения.<sup>23</sup>

При некоторой растерянности Булыгина смысл всего сводился для него к традиционному «тащить и не пущать», но с необходимостью соблюдать при этом в новых условиях известную осторожность. В этом духе был выдержан и булыгинский циркуляр губернаторам и градоначальникам 12 апреля. Последовавший за утвержденным царем решением Совета министров циркуляр не содержал ссылок ни на меморию Совета министров, ни тем более на резолюцию царя и был составлен с известной уклончивостью и изворотливостью. Противоречивость толкования указа 18 февраля в циркуляре усиливалась ссылкой на то, что «основной смысл и значение» указа выражены в рескрипте и манифесте от того же числа, которые были чуть ли не единогласно восприняты как взаимоисключающие акты.

Почти каждая фраза циркуляра содержала слова «с одной стороны», «с другой стороны», «в то же время» или «вместе с тем». «С одной стороны, — гласил циркуляр, — губернаторы, основываясь на буквальном смысле п. 14 ст. 63 положения о земских учреждениях и п. 21 ст. 63 положения городского, позволяющих губернским земским собраниям и городским думам представлять чрез губернаторов высшему правительству ходатайства лишь о местных пользах и нуждах, почитают незаконным обсуждение означенными учреждениями вопросов, выходящих за пределы

местных польз и нужд, с другой стороны, означенные общества, действующие по особым уставам, а также частные лица признают возможным организовываться в собрания, съезды, комиссии и т. д. для совместного обсуждения вопроса о государственном благоустройстве. Независимо сего даже некоторые правительственные учреждения считают себя вправе заявлять разные пожелания за силою указа 18 февраля».<sup>24</sup>

Разъяснив губернаторам и градоначальникам, что после указа нельзя запрещать обсуждение вопросов общегосударственного значения ни земским и городским учреждениям, ни ученым, просветительным и иным обществам, Булыгин тут же заявлял, что «всякие возможные во время такого обсуждения уклонения собрания от законами установленных границ... должны быть предупреждаемы и пресекаемы..., но отнюдь не должны считаться поводом к запрещению самого обсуждения».

Разобраться в этом сплетении тонкостей губернаторам и градоначальникам было нелегко. Министр и сам до некоторой степени запутался в своих попытках сочетать вынужденный официальный либерализм с традиционным охранительством, не допускавшим ни самих ходатайств, ни их обсуждений. В явном противоречии со своим собственным толкованием указа он вдруг заявлял, что указ «вместе с тем не может быть толкуем как основание для земских и городских учреждений, а равно и для различных обществ возбуждать какие-либо ходатайства по предметам, непосредственно до их ведения не относящимся».<sup>25</sup> Но таких легальных общественных организаций, предметом ведения которых были бы вопросы государственного значения, не существовало,<sup>26</sup> и выход из противоречия был найден в совершенно надуманном утверждении, будто «виды и предположения», сообщение которых Совету министров разрешалось указом, «не являются еще однозначными с ходатайствами, для коих в соответствующих законоположениях установлены особые пределы и особый порядок направления». Это был сигнал местным властям о возможности в известных случаях воспрепятствовать ходатаям с помощью верных старых способов. В качестве одного из них не случайно был назван предусмотренный статьями 111, 112 и 116 Устава о предупреждении и пресечении преступлений запрет «самовольно образовывать какие-либо общества, собрания или сборища» с оговоркой о том, чтобы не подводить «под понятие таковых» совместное обсуждение разрешенных указом вопросов, если эти обсуждения (это была уже оговорка к оговорке) «не носят характера многолюдных сборищ, а тем более публичных и нарушающих общественное спокойствие».<sup>27</sup>

Что же касается собраний существовавших общественных и сословных учреждений и обществ, то для них предусмотрены были в качестве предохранительных мер недопущение на собрания посторонних лиц и обязанность председательствующих не допускать «рассмотрение вопросов, по содержанию своему не соответ-

вующих предуказанным с высоты престола преобразованиям, а тем более стремящихся подорвать силу и значение основных законов империи».<sup>28</sup>

Эти противоречивые указания, послужившие источником для временных правил о собраниях, обществах и союзах, принятых впоследствии, не могли придать петиционному потоку желательного властям характера и направления.

Приходилось решать вопрос, как быть с поступавшими петициями. Наиболее желательной для царя участью петиций Будберг и Нольде считали традиционное оставление без последствий, но с тем, чтобы заявители уведомлялись при этом, что их петиции представлены царю. Так и было решено.<sup>29</sup> В случаях же пересылки прошений в какие-либо учреждения заявителям об этом также сообщалось с указанием, что это сделано на основании царского повеления. Вскоре эта явно отмеченная оттенком цинизма линия была продолжена по-прежнему председательствовавшим в Совете министров Сольским. Он доложил царю, что из 36 представленных при докладе Нольде петиций ни одну не признал подлежащей рассмотрению в Совете министров. Исходя из того, что так будет и в дальнейшем, Сольский предложил создать для рассмотрения петиций особое в Совете министров присутствие под своим председательством в составе А. С. Танеева, Будберга и Нольде.<sup>30</sup>

6 апреля это присутствие было учреждено, а 16-го царь упразднил виттевское совещание для разработки реформы Совета министров. Возможно, это и не было реализацией идеи Трепова, но ему не оставалось пока желать лучшего.

Как же поступали с полученными петициями? Роль первого фильтра выполнял, по-видимому, Нольде. Он ограждал от их наплыва уже не только Совет министров, но и его особое присутствие, которое рассмотрело в пяти заседаниях (10 апреля, 9 мая, 28 июня, 18 июля и 3 августа) 176 петиций.<sup>31</sup> Трудно установить все те признаки, которые имели определяющее значение при отборе петиций для рассмотрения совещанием, так как среди прошедших через совещание есть и совершенно случайные, вроде просьбы о помощи столяра, обиженного при расчете заказчицей. Однако одним из существенных признаков, вызвавшим значительные затруднения, стала необходимость установления политической благонадежности заявителей — как организаций, так и частных лиц. Решение делать в ответах авторам петиций ссылку на царя или его повеление оказалось чреватом некоторой опасностью.

Маловажный, по выражению Булыгина, случай заставил его тем не менее предложить Нольде, чтобы о полученных канцелярией Совета министров заявлениях неизвестных ей частных собраний и групп канцелярия запрашивала губернаторов. Случай этот носил на самом деле характер курьезного, но потому и небезопасного для властей политико-юридического прецедента. В Камышине в начале марта состоялось собрание с участием представителей разных слоев общества (такие собрания, носившие общерадикаль-

ный характер, созывавшиеся в поддержку революционных выступлений учащихся, были характерной чертой того времени). Оно выразило благодарность директору реального училища, получившему перед тем от попечителя учебного округа замечание по поводу демонстрации учащихся. Собрание также постановило, по словам Булыгина, «поручить будущим народным представителям прекращение войны и, наконец, ходатайствовать о различных политических вольностях». Саратовский губернатор (им был П. А. Столыпин) наложил на устроителя собрания административное взыскание. Но тут на имя одного из участников собрания пришло извещение Нольде о том, что решения собрания доложены царю. И хотя Булыгин объяснял происшедшее тем, что эти решения были представлены в Совет министров «по-видимому, в неполном виде», и подтверждал «несомненную правильность» действий губернатора, ему пришлось жаловаться на «чрезвычайно тяжелое впечатление», которое произвела эта история, поскольку «указанное выше противоречивое отношение местных и высших учреждений к незаконному собранию вызвало в местном обществе и в печати такие толкования, которые не могут не колебать авторитета местной власти».<sup>32</sup>

Нольде, наоборот, боялся, что пострадает авторитет высшей власти, если он станет в каждом неясном случае, а их он предвидел множество, запрашивать губернаторов. В результате возможной огласки, писал он Булыгину, в публике «возникнет неосновательная мысль о влиянии местной администрации на производство дел в Совете министров».<sup>33</sup> Но без огласки такие сведения с мест были Совету министров весьма желательны, и Нольде просил Булыгина предписать губернаторам, чтобы они сами («не дожидаясь каких-либо моих запросов») сообщали о «демонстративного характера сбирках с целью составления всеподданнейших заявлений, дозволенных указом 18 февраля».<sup>34</sup>

Глубокая внутренняя противоречивость формулы Нольде («сборища» с «всеподданнейшей» целью!) отражала трудности, которыми оказалась для властей чреватой сложившаяся ситуация. Петиционная кампания, особенно активно развертывавшаяся в течение мая и июня, характеризовалась радикализацией и расширявшейся распространенностью требований к правительству, зачастую выходивших за рамки либеральной доктрины и приобретавших в сущности общедемократический характер. Разумеется, легальность как специфическая черта этой кампании, с одной стороны, значительно способствовала ее размаху, а с другой — делала поток ходатайств крайне опасным для режима в глазах представителей центральной и местной власти, поскольку традиционные способы пресечения и преследования становились неприменимыми или трудноприменимыми по отношению к политическим выступлениям, облеченным в законные формы. Как указывали крестьяне с. Бровнич Новозыбковского уезда Черниговской губернии в своем обращении, названном ими «всеподданнейшим

докладом», сначала они и после указа боялись из-за репрессий высказываться по политическим вопросам, но затем под влиянием событий все же заговорили о них.<sup>35</sup>

Судя по представлявшимся царю мемориям особого присутствия, содержащим краткое изложение каждого из рассмотренных ходатайств, он избегал письменно выражать свое отношение к делу. Лишь однажды он написал: «Глупо и нахально» — по поводу петиции собрания присяжных поверенных округа Одесской судебной палаты. Одесские адвокаты объявляли необходимыми «отстранение показавшей свою несостоятельность бюрократии» от осуществления рескрипта Булыгина, названного, впрочем, как и полагалось, «всемилодивейшим», «приглашение представителей всего населения» в предусмотренное рескриптом совещание под председательством Булыгина для разработки представительства (к этому времени от созыва такого совещания царь решил отказаться и провести подготовку к созыву представительства именно бюрократическим путем), а также предоставление гражданских свобод и объявление политической амнистии «как залога действительной успешности предстоящих работ».<sup>36</sup>

По всей вероятности, гневная царская реакция на это одесское заявление вызвана была тем, что оно оказалось одним из первых в ряду последовавших многочисленных таких же. Требование созыва представительства на условиях, далеко выходящих за те пределы, которые царь установил рескриптом, а теперь стремился сузить, стало лейтмотивом петиционной кампании. 216 заявлений, касавшихся созыва выборных, были последовательно напечатаны в 23 выпусках специально составлявшегося свода для царя и членов Совета министров, который во второй половине мая, после Цусимы, приступил к обсуждению булыгинского проекта законосовещательного представительства.<sup>37</sup>

Затем в июле вошедшие в свод заявления упоминались на Петергофских совещаниях сановников под председательством царя по учреждению Булыгинской думы, где противники преобразований пытались противопоставить своду несколько организованных ими или просто мифических петиций, выдержанных в духе неограниченности самодержавной власти и протеста против введения представительства и других реформ. Гр. А. П. Игнатьев без стеснения заявил, что, объездив по поручению царя Екатеринославскую и Херсонскую губернии, он представил тому «три адреса от местного сельского населения» с просьбой сохранить самодержавие. А гр. А. А. Бобринский, оказалось, где-то «встретил одного дворянина, который говорил, что ему удалось собрать 600 000 подписей под адресом, в котором высказываются мысли и пожелания, совершенно противоположные тем, которые выражены в резолюциях съездов».<sup>38</sup> Что касается участников совещаний из числа сторонников созыва представительства, то они избегали ссылок на свод петиций, опасаясь, по-видимому, что радикализм их содержания будет использован во вред реформаторству. Лишь од-

нажды, когда угроза подмены идеи постоянно действующего представительства однократным созывом Земского собора стала реальной и гр. А. А. Голенищев-Кутузов заявил, что лишь Собор может выяснить чаяния населения, Сольский сослался на разосланный свод петиций. Настаивая на учреждении Думы как средстве «узнать желания народа», он заявил, что петиции о них свидетельствовать не могут.<sup>39</sup> Это не было с его стороны «уступкой направо». Требования петиций по поводу характера представительства, порядка его избрания и другого были неприемлемы и для самих сановников-реформаторов. Тем менее годились они для воздействия на противников преобразований, один из которых (А. А. Нарышкин) прямо говорил, что не придает значения «заявлениям отдельных групп и самочинных съездов».<sup>40</sup>

Было совершенно ясно, что намерение властей политически обезвредить последствия указа 18 февраля, регулируя процесс составления петиций и тем оказывая влияние на их содержание, не осуществилось. 27 июля, отвечая на запрос начальника Главного управления по делам печати А. В. Бельгарда, Нольде предложил разрешать или не разрешать печатание петиций в зависимости от их содержания.<sup>41</sup> Как уже отмечалось, указ 18 февраля был отменен в тот же день (6 августа 1905 г.), когда было объявлено об учреждении Булыгинской думы.<sup>42</sup>

Как указывал В. И. Ленин, «истинные планы правительства» при отмене указа состояли, помимо недопущения самих петиций, в том, чтобы прекратить созывавшиеся для их утверждения «терпимые полицией собрания, совещания, съезды». В. И. Ленин подчеркнул при этом, что либералы оказались «еще раз одураченными».<sup>43</sup> Право петиций не вошло и в манифест 17 октября. Не довольствуясь этим, Витте-премьер в январе 1906 г. требовал запрета устных заявлений или письменных петиций в Думу и в Государственный совет во избежание «массы недоразумений и инцидентов». «Если допустить подачу петиций, то по крайней мере нужно указать, что с ними делать», — добавил он. А группа либералов в апреле 1906 г. высказалась за включение права петиций в Основные законы, назвав петиции челобитными, признававшимися-де «еще в Древней Руси», предлагая запрет подачи их «шумною толпою».<sup>44</sup>

Что же представляли собой петиции по содержанию? Ограничимся пока самой общей характеристикой тех из них, которые вошли в упоминавшийся уже свод. Предпринявший впоследствии попытку изучения этого материала Н. С. Таганцев применительно ко всем вошедшим в свод документам усмотрел «славословия» лишь в трех. «Да и в них все-таки, — отмечал он, — той мольбы: „любим мы тебя сердечно, будь нашим начальником вечно“ не содержится».<sup>45</sup> Включенные в свод обращения, принятые как парадоксально «низовыми» общественными учреждениями, так и городскими думами крупнейших городов, земскими и дворянскими собраниями важнейших губерний, показывают и пределы, до ко-

торых под влиянием революционного движения масс доходили в своих требованиях широкие оппозиционные слои, и существенную разницу между либерально-консервативной и радикальной оппозиционностью.

Разумеется, говоря о репрезентативности этого материала, при определении классового состава той среды, из которой он исходил, следует иметь в виду, что представители революционных кругов не занимались составлением петиций.

В своей агитационно-пропагандистской работе в массах они отстаивали революционные, а не реформаторские лозунги и формы политической борьбы. Да и из числа легально действовавших общественных организаций либерального толка или демократического характера выступала с заявлениями, конечно, лишь часть. Однако самые факты таких выступлений были признаками политической активности и отражали определенную степень радикализма.

Большинство ходатайств наряду с критикой булыгинского проекта представительства содержало требования созыва учредительного собрания, предоставления представительству законодательных прав, избрания его всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, а также провозглашения буржуазно-демократических гражданских свобод. Выходя иногда за словесные границы верноподданнической лояльности, но по большей части соблюдая их, авторы обращений во многих случаях прямо указывали, что движимы страхом перед размахом революционных событий и преследуют цели консервации существовавшего социально-экономического строя с помощью подновления его государственно-правовой структуры.

Лишь крестьянская демократия рассматривала созыв представительства как средство проведения социальных преобразований. Даже такие буржуазные по своему характеру требования, как наделение крестьян земель посредством отчуждения казенных, церковных и частновладельческих земель, облегчение арендной платы с установлением ее законодательным путем, введение подоходного налога, уравнивание крестьян в правах с другими сословиями, возможность для них получения среднего и высшего образования за казенный счет, выдвигались только в крестьянских ходатайствах. Осуществление заветных крестьянских чаяний связывалось в них не с монаршей милостью, а с созывом представительства. Сквозь цезаристскую фразеологию видны были элементы формирующегося классового и революционного самосознания. Недаром, по наблюдениям Н. С. Таганцева, именно крестьянские петиции при включении их в свод в наибольшей мере подверглись «известного рода кастрированию».<sup>46</sup> Отметив это, он и обратил внимание на необходимость изучения передачи текста петиций при составлении свода. Не менее важным, чем установление сделанных при этом изменений, является сопоставление по характеру требований включенных в свод петиций как с рассмотренными

особым присутствием, так и со всеми полученными. А такая задача в свою очередь требует классификации требований и определения распространенности их или групп их применительно ко всему корпусу петиций.

<sup>1</sup> См.: Очерки истории Коммунистической партии Литвы. Вильнюс, 1973, т. I, с. 165; Karjahägm T., Pullat R. Eesti revolutsioonitules 1905—1907 Tallin, 1975, lk. 61, 71—76. Карьяхярм Т., Крастынь Я., Тила А. Революция 1905—1907 годов в Прибалтике/Под ред. В. Маамяги. Таллин, 1981, с. 29, 34, 44—45.

<sup>2</sup> Таганцев Н. С. Пережитое. Пг., 1919, вып. 2, с. 83.

<sup>3</sup> Нардова В. А. Законодательные документы 60-х годов XIX в. об адресах на «высочайшее имя». — Вспомогат. истор. дисциплины. Л., 1978, IX, с. 278; Алексеев В. Право петиций. [Ростов на Дону, 1905], Справка в проекте мемории заседания Совета министров 21 марта 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 5, л. 12.

<sup>4</sup> Правила о порядке принятия и направления прошений, жалоб, на высочайшее имя приносимых (Св. зак., т. I, ч. II, изд. 1892 г.), с изменениями на основании законов 26 февраля и 20 марта 1895 г. и с приложением дополнительных узаконений / Сост. Н. И. Арефа. СПб., 1895.

<sup>5</sup> Собр. узак. № 30, 18 февраля 1905 г., ст. 245.

<sup>6</sup> Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970, с. 57, 60.

<sup>7</sup> ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 4, л. 3.

<sup>8</sup> Там же, л. 1-6.

<sup>9</sup> В число треповских бумаг февральских дней 1905 г. составителями дела включен определенный ими во внутренней описи как «Именной список проектированного Совета министров» листок без заголовка, писанный карандашом тем же почерком, что и озаглавленный «Совет министров», датированный 14 февраля 1905 г. и выше использованный. Текст, содержащийся на этом листке (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 4, л. 6. Предшествовавшие листы 4—5, на которых, судя по внутренней описи, был «Именной список на листке для памяти», в деле отсутствуют), ниже воспроизводим полностью.

«Председ. Сов. Мин. Гр. Пален, Горемыкин. Муравьев.

Мин. внутр. дел Дурново. Стишинский. Штюрмер.

Мин. юст. Акимов. Щербачев. Дейтрих.

Мин. нар. проsv. Кауфман. Шварц. Ульянов.

Мин. фин. Вышнеградский. Директор Междунар. банка. Мухин [Дир. Вол. Кам. б.].

Мин. торговли А. И. Гучков. С. А. Протопопов. Рухлов.

Обер. прок. Св. синода. Кн. Ширинский-Шихматов.

Мин. Иностр. дел. Чарыков. Извольский.

Мин. путей сообщения. Кн. Б. Голицын».

В действительности мы имеем здесь дело с проектом состава того кабинета, который должен был весной 1906 г. сменить правительство Витте. Достаточно вспомнить два игриво-циничных разговора о составе нового правительства, которые вел с ним царь, чтобы убедиться в этом. В одном из них царь сказал, что назначил бы Муравьева председателем Совета министров, если бы не его низкие нравственные качества, а в другом, когда речь шла о назначении Витте на должность посла, обескуражил его сообщением о том, что министром иностранных дел будет не Ламздорф, а Извольский (Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 2, с. 337; т. 3, с. 345). Из отраженных в этом документе неосуществленных предположений следует отметить попытки провести на пост премьера гр. Палена и на пост министра торговли А. И. Гучкова. Престарелый Пален, министр юстиции при Александре II, отличился в те дни своей твердоолобой позицией на царскосельских совещаниях, а кандидатура Гучкова отражала идею соглашения с «общественностью», которая в качестве тактического приема приобрела все признаки постоянства. С другой

стороны, обращает на себя внимание отсутствие среди кандидатов в министры внутренних дел занявшего этот пост П. А. Столыпина.

<sup>10</sup> ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 4, л. 8.

<sup>11</sup> Там же, л. 7. — Витте добивался того, чтобы царь мог поручить председательствование лишь одному из министров.

<sup>12</sup> Там же, л. 9.

<sup>13</sup> Сейчас же после указа 18 февраля произошел эпизод, показавший, какую остроту имел для высших сановников вопрос об объединении их деятельности в его формах. В одном из писем, поступивших в канцелярию е. и. в. по принятию прошений, содержалась рекомендация немедленно учредить Министерство государственной полиции во главе с генерал-адъютантом Клейгельсом. Хотя главноуправляющий канцелярией А. А. Будберг характеризовал это письмо как несвязное, написанное выжившим из ума стариком, он доложил об этом царю, прибавив, что «такую труху направлять в Совет [министров] невозможно». Но добиться от царя разрешения на это, по-видимому, не удалось, потому что Будберг обратился к управляющему делами Комитета (а заодно теперь и Совета) министров Э. Ю. Нольде с предложением «сговориться» и, «условившись, совместно или отдельно испросить высочайшую санкцию» (Будберг — Нольде, 24 февраля 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 6, л. 2). Будберг был явно встревожен «трухой», можно было предположить, что за ней стоит не только Клейгельс, но и кто-нибудь еще более влиятельный, чем он. Ведь создание нового ведомства привело бы к установлению такого чисто полицейского контроля его главы над остальными министерствами, который был для царя несравненно предпочтительнее юридического объединения их деятельности премьер-министром. Во всяком случае, когда в 1899 г. у царя возникло намерение восстановить пост шефа жандармов, смысл этой меры увидели именно в учреждении жандармского контроля за действиями министров в возмещение их разобщенности.

<sup>14</sup> Санктпетербургские ведомости, 1905 г., 7 (20) марта, № 56. — Выписка из газеты была прислана Булыгину внучатым племянником А. С. Пушкина Н. Л. Павлишевым в приложении к его ходатайству о правах канцелярских служащих (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 7, л. 227). Сам Павлишев был канцелярским служителем в Департаменте железнодорожных дел Министерства финансов.

<sup>15</sup> ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 5, л. 2.

<sup>16</sup> Проект мемории Совета министров по делу о применении указа 18 февраля 1905 г. — Там же, л. 10 и сл.

<sup>17</sup> Справка к всеподданнейшему докладу министра внутренних дел о затруднениях, встречаемых при применении высочайшего указа Правительствующему сенату 18 февраля 1905 г., с пометами министра просвещения В. Г. Глазова. — ЦГИА СССР, ф. 922, оп. 1, д. 249, л. 4.

<sup>18</sup> Проект мемории Совета министров по делу о применении указа 18 февраля 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 5, л. 10 и сл.

<sup>19</sup> Этим предложением Коковцова Сольский, активно правивший проект мемории, заменил в нем коковцовские слова о предоставлении частным обществам «столь важного в политическом отношении права». — Там же.

<sup>20</sup> Тем не менее Сольский вычеркнул фразу о том, что администрация «имеет и ныне полное право» не допускать этого и что Булыгин уже сделал соответствующее распоряжение местным властям. Однако, вычеркнув эту фразу, как и утверждение, согласно которому «указ 18 февраля ни в чем не ограничил прав и власти администрации», Сольский опустил и полемику с теми, кто утверждал (здесь, вероятно, имелся в виду Коковцов), «будто допущение широкого пользования дарованными указом правами способствовало бы усилению брожения в обществе». Вычеркнутыми здесь оказались и успокоительные аргументы вроде того, что «до сих пор содержание поданных заявлений... свидетельствует о чувствах верноподданнической преданности престолу». — Там же, л. 13.

<sup>21</sup> «Пробелы» эти, как объяснялось в вычеркнутом Сольским тексте, были порождением «настоящего смутного переходного времени». Возникли вопросы, «которые сравнительно недавно были еще только в зародыше и потому не вызвали практических сомнений», говорилось в этом вычеркнутом тексте. Речь шла об установлении «границ между дозволенным и недозволенным» и в обсуждении петиций,

и в праве их печатания, и в самом их содержании. Э. Д. Фриш, как главный знаток законов, как бы извиняясь за Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, заявил, что оно «не могло, конечно, предусмотреть всех тех новых проявлений общественной жизни, которые несомненно должны быть признаны преступными». «Зато постановления нового Уголовного уложения, — продолжал он, — настолько полны и обобщенно изложены, что едва ли пробелы в нем могут и при нынешнем разнообразии агитационных проявлений оказаться значительными». Сольский вычеркнул также из проекта мемории мнение Совета министров о том, что нельзя ждать результатов работ учрежденного 13 февраля совещания Игнатьева по пересмотру исключительных законоположений, так как «обстоятельства требуют самого быстрого и внимательного соображения относящихся к настоящему вопросу постановлений действующих уголовных законов и Устава о предупреждении и пресечении преступлений с точки зрения соответствия их современным обстоятельствам». — Там же, л. 14.

<sup>22</sup> Там же, л. 34.

<sup>23</sup> Там же, л. 29.

<sup>24</sup> Циркуляр министра внутренних дел губернаторам и градоначальникам. — ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. 88, д. 158, л. 1.

<sup>25</sup> Там же, л. 2.

<sup>26</sup> См.: Степанский А. Д. 1) История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979; 2) Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX—XX вв. М., 1980.

<sup>27</sup> ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. 88, д. 158, л. 2.

<sup>28</sup> Там же. — Если относительно обсуждения предусмотренных указом вопросов булыгинские указания были неясными, то сюжеты гораздо более невинного характера толковались губернаторами как запретные. Так, лифляндский губернатор в июле отказал правлению Нурмижской народной библиотеки Рижского уезда, сославшемуся на газетные сообщения о булыгинском циркуляре, в разрешении на собрания общеобразовательного характера (там же, л. 31—33). Нельзя согласиться с П. Н. Милюковым, видящим в булыгинском циркуляре уступку большего значения, чем рескрипт 18 февраля о созыве представительства (Милюков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, т. 1, с. 268).

<sup>29</sup> Всеподданнейший доклад Нольде, утв. 17 марта 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 6, л. 3.

<sup>30</sup> Всеподданнейшая записка Сольского, утв. 6 апреля 1905 г., Сольский — Фришу, 7 апреля 1905 г. — Там же, л. 14—15.

<sup>31</sup> Там же, л. 28, 46, 67, 78, 102.

<sup>32</sup> Булыгин — Нольде, 11 мая 1905 г. Там же, л. 43—44.

<sup>33</sup> Нольде — Булыгину, 20 мая 1905 г. — Там же, л. 64.

<sup>34</sup> Там же.

<sup>35</sup> ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 311—312.

<sup>36</sup> Утвержденная царем 15 апреля 1905 г. мемория особого в составе Совета министров присутствия 10 апреля 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 6, л. 34.

<sup>37</sup> Всеподданнейшая записка Нольде 30 мая 1905 г., утв. царем 2 июня 1906 г. — Там же, л. 66; Таганцев Н. С. Пережитое, с. 81.

<sup>38</sup> Петергофские совещания. Пг., 1917, с. 29, 108.

<sup>39</sup> Там же, с. 28.

<sup>40</sup> Там же, с. 111.

<sup>41</sup> ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, 1905 г., д. 6, л. 100.

<sup>42</sup> Лифляндский губернатор уже 13 августа запретил обсуждение вопросов, предусмотренных отмененным указом (ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. 88, д. 158, л. 36).

<sup>43</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 183.

<sup>44</sup> ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 17, л. 250; Красный архив, 1925, 4—5 (11—12), с. 120.

<sup>45</sup> Таганцев Н. С. Пережитое, с. 96, 95.

<sup>46</sup> Там же, с. 83.